

Глава 31

С самого начала нового года Цзинчжэ ходил сам не свой. Каждый рабочий день был ему в тягость, словно похоронная процессия. Хуэйпин и остальные, видя это, забеспокоились. Посоветовавшись, они отправили самого разговорчивого, Шиэня, разузнать, в чём дело. Если друг попал в беду, они должны были помочь. Нельзя же было вечно пользоваться добротой Цзинчжэ, ничего не давая взамен.

Увы, Шиэнь вернулся ни с чем.

— Он лишь сказал, что настроение не очень, а больше ничего, — развёл руками Шиэнь.

И в самом деле, кроме редких моментов задумчивости, Цзинчжэ вёл себя как обычно. Когда Шиэнь завёл разговор, он даже весело похлопал его по плечу, обнял и принялся болтать о пустяках.

Только вернувшись, Шиэнь понял, что его опять обвели вокруг пальца.

Иногда Цзинчжэ был настоящим мастером увливания!

— Может, случилось что-то, о чём неловко говорить? — задумчиво потёр подбородок Гушэн.

Хуэйпин, казалось, что-то вспомнил. Он хотел было сказать, но сдержался.

Он припомнил, как в первое утро нового года, сквозь дрёму, услышал, как Цзинчжэ вернулся. Кажется, это было на рассвете... Значит, Цзинчжэ не ночевал в своей комнате.

Вообще-то, это было нарушением правил.

Но в новогоднюю ночь многие бодрствовали до утра, и во дворце тоже. В такое время на мелкие нарушения устава смотрели сквозь пальцы, если только надсмотрщик не был совсем уж придирчивым.

Наверное, в ту ночь Цзинчжэ встречался с друзьями.

Неужели поссорились?

В голове Хуэйпина роились догадки, но вслух он сказал:

— Просто не хочет говорить, ничего страшного. А вы, кстати, выполнили задания, которые вам дал Цзинчжэ?

При упоминании об этом Шиэнь и Гушэн сникли.

В праздничные дни не только начальство давало поблажки, но и они сами расслабились. Какие там задания — они даже про чтение и каллиграфию забыли. Услышав напоминание Хуэйпина, они тут же ретировались.

Хуэйпин с усмешкой покачал головой и увидел у двери Ху Ли. Он удивился его приходу и пошёл навстречу.

Ху Ли, худой и невзрачный, но очень сообразительный, отвёл Хуэйпина в укромное место, огляделся по сторонам и что-то прошептал ему на ухо.

Лицо Хуэйпина стало серьёзным. Он кивнул.

А тем временем Цзинчжэ, о котором так беспокоились друзья, следовал за Цзян Цзиньмином, направляясь с визитом к евнуху-хранителю печати.

Этот евнух занимал свою должность уже более десяти лет и, скорее всего, останется на ней до самой старости.

Начальники управлений поддерживали с ним неплохие, по крайней мере, внешне, отношения. В конце концов, Управление по надзору за дворцовыми залами не было ни престижным, ни прибыльным местом.

Раз уж вскарабкаться выше не получится, то лучшая стратегия — не ссориться с начальством.

Цзинчжэ остался ждать снаружи вместе с другими молодыми евнухами, прислуживавшими разным начальникам управлений. Они собрались вместе, болтая и заодно охраняя вход.

Он не в первый раз сопровождал Цзян Цзиньмина на такие встречи и уже был знаком с остальными. Он мог поддержать разговор и, смешавшись с толпой, слушать сплетни, не привлекая внимания.

Правда, обычно он больше слушал, чем говорил.

Эта компания была куда осведомлённее тех, кто занимался лишь чёрной работой.

Сопровождая начальников, они бывали в разных местах, больше видели и, соответственно, больше знали.

Цзинчжэ услышал, как евнух из Управления по разным делам рассказывал:

— Когда наш начальник только пришёл... он отвечал за дисциплину... тогда, во время большой дворцовой проверки, много народу полегло...

После реорганизации в Управление по разным делам назначили нового начальника, и штат был восстановлен.

— Говорят, приказ исходил от той, что во дворце Шоукан.

— ...Несколько наложниц в Императорском саду... что-то случилось, упали...

— ...Кровь... раны...

Цзинчжэ на мгновение отвлёкся, но, услышав несколько ключевых слов, снова прислушался.

Говорил всё тот же евнух из Управления по разным делам, по имени Ляо Цзян, с довольно милой улыбкой.

Он рассказывал, что, идя по делам со своим начальником, проходил мимо Императорского сада и слышал шум. Но начальник велел ему идти быстрее и не останавливаться. Позже он узнал, что в саду произошёл несчастный случай, и несколько наложниц упали и сильно расшиблись.

Другой евнух удивлённо спросил:

— А я что-то не слышал об этом.

— Это случилось утром, — ответил Ляо Цзян.

Кто-то вздохнул:

— Хорошо, что начальник Цзян увёл тебя. Увидел бы что-нибудь лишнее — были бы проблемы.

Ляо Цзян был молод. Новый начальник управления, Цзян Хуай, взял его к себе во многом из-за совпадения имён. Начальник Цзян был суеверен и счёл это добрым знаком.

На самом деле, Ляо Цзян был ещё совсем зелёным.

К счастью, он был сообразителен и быстро учился, но в мелочах его неопытность всё ещё проскальзывала.

— Начальник Цзян очень хороший, — улыбнулся Ляо Цзян. — По дороге назад он многое мне объяснил.

Такие разговоры они вели только в своём кругу. Темы были щекотливые, и если бы лишнее слово просочилось наружу, быть беде. Но здесь все были своими, при начальниках, так что можно было говорить свободнее.

Наслушавшись сплетен, Цзинчжэ на обратном пути шёл за Цзян Цзиньмином и услышал его вопрос:

— Нездоровится?

Голос Цзян Цзиньмина был мягким, но Цзинчжэ тут же выпрямился и почтительно ответил:

— Это я плохо спал последние дни, заставил начальника беспокоиться.

Цзян Цзиньмин усмехнулся.

— Не нужно так напрягаться. Мы просто разговариваем.

— Если в эти дни я что-то упустил...

Не успел он договорить, как Цзян Цзиньмин махнул рукой и вздохнул.

Цзинчжэ замолчал.

— Ты дружен с Юнькуем, и это, конечно, одна из причин, почему я выбрал тебя. Но ты грамотен и умеешь писать — это твоё достоинство. За эти два месяца я видел твою осмотрительность. Хм, если бы у того мальчишки, Юнькуя, было хоть немного твоей осторожности, было бы неплохо.

Цзинчжэ хорошо справлялся, и начальник не скупился на похвалу.

Цзинчжэ лишь улыбнулся.

Цзян Цзиньмин был хорошим начальником, и работать под его началом было несложно. Он, помня о Юнькуе, относился к Цзинчжэ с добротой.

Но, несмотря на его ворчливый тон при упоминании Юнькуя, Цзинчжэ знал: сделай тот хоть десятую часть того, что делал он, для Цзян Цзиньмина это было бы верхом совершенства.

Их отношения были совершенно разными, и Цзинчжэ никогда этого не забывал.

Он был осторожен ради собственной безопасности.

И Цзян Цзиньмину это нравилось.

Когда начальники в комнате закончили разговор и принялись за чай, снаружи стало слышно их бормотание.

Цзян Цзиньмин понаблюдал и заметил, что среди всех болтавших евнухов только Цзинчжэ молча слушал.

Это хорошо. Болтуны долго не живут.

— Сегодня хранитель печати сказал, что через несколько дней нужно будет убрать западные дворцы. Организуй людей, — сказал Цзян Цзиньмин.

Цзинчжэ запомнил. По дороге Цзян Цзиньмин дал ещё несколько поручений. Когда они вернулись в управление, был уже полдень.

Разобравшись с мелкими делами, он наконец освободился.

В этот момент раздался странный голос системы.

[Задание 7 выполнено]

Цзинчжэ замер. Задание 7?

Он уже и забыл про Би Синьтяня. Не говоря уже о том, что у него не было ни возможности, ни желания его выполнять.

— Задание выполнено? Значит, Би Синьтяня похитили? — лицо Цзинчжэ приняло странное выражение. — Его похитили, а это считается выполнением моего задания?

Он ведь и пальцем не пошевелил.

[Если система может ошибиться с носителем, почему она не может ошибиться с определением выполнения задания?]

— ... — у Цзинчжэ не нашлось слов.

Какая наглость.

И ещё смеет проводить аналогии.

Для Цзинчжэ это была хорошая новость — не придётся думать о наказании. Но это также означало, что Би Синьтянь, эта мразь, на свободе...

Радоваться не получалось.

Он бы предпочёл, чтобы тот сгнил в тюрьме.

— Когда его похитили, и кто это сделал? Ты можешь узнать? — спросил Цзинчжэ. Система была ненадёжной, но иногда выдавала проблески разума.

[Его похитил человек по имени Мэн Чжунтун. Два месяца назад.]

Система действительно ответила.

Видимо, с каждым выполненным заданием она получала больше энергии.

Цзинчжэ не мог припомнить ни одного высокопоставленного чиновника или принца по имени Мэн Чжунтун. Но два месяца назад...

— Его похитили два месяца назад, почему задание выполнено только сейчас?

[Цель задания — обеспечить его безопасность. Похищение не означает безопасность. Только сейчас Би Синьтянь добрался до места, которое система считает безопасным, поэтому задание выполнено.]

— Ловушка, — пробормотал Цзинчжэ.

Это задание было сплошной ловушкой.

Ну что ж, раз выполнено, так выполнено. Он же не пойдёт теперь его убивать. По крайней мере, для него лично это была хорошая новость.

Выполнение задания означало, что система может использовать полученную энергию. Иначе она не смогла бы ответить на его вопрос.

Хоть задание 7 и было выполнено без его участия, это заставило Цзинчжэ снова задуматься о

задании 6.

В последние дни он тайно собирал информацию о дворце Чжунцуй.

Некоторые сведения даже не требовали особых усилий.

Ведь хозяйка дворца Чжунцуй, Гуйфэй, была заметной фигурой в гареме.

За ней следили многие.

В последнее время Гуйфэй и Фэй Дэ часто вступали в перепалки. Об их вражде знали даже в Северных покоях, не говоря уже о дворце Шоукан. Но странно, Вдовствующая императрица никак не реагировала.

Обе наложницы были её родственницами. Может, она не знала, чью сторону принять?

Ходили разные слухи. Кроме того, дворец Чжунцуй утратил былую милость. Император перед новым годом перестал его посещать.

Казалось бы, мелочь, но вскоре весь гарем постигла та же участь. Цзинъюань стал вести аскетичный образ жизни и больше не посещал наложниц.

Столько красавиц, а он ни к одной не проявлял особого интереса.

Хотя нет, проявлял. Но одна, как бинь Сюй, чуть не сошла с ума от страха, а другая, как цайжэнь Лю... умерла.

При мысли о Цзинъюане Цзинчжэ невольно вспомнил слова Жун Цзю о «рогах, которые его не волнуют». Эта фраза звучала так странно... Может, Цзинъюань и вправду... не может?

Цзинчжэ старался, чтобы при мыслях о Жун Цзю у него не менялось выражение лица. Он изо всех сил скрывал свои эмоции.

Нужно думать о деле!

Дважды в день из дворца Чжунцуй посылали людей на Императорскую кухню, обычно это был главный евнух Ню Бао. Старшая служанка Юйши была привезена Гуйфэй из дома и пользовалась её особым расположением. Гуйфэй брала её с собой повсюду.

И именно о ней Миньюй говорил на Императорской кухне — та, что пугала всех живых существ.

Цзинчжэ видел Юйши издалека, у лotosового пруда. Хоть это и было мимолётное знакомство, он не заметил в ней ничего странного.

Может, животные более чувствительны?

Если с Юйши что-то не так, то с её госпожой, Хуан Ицзе, которую система несколько раз упоминала, проблем должно быть ещё больше.

К тому же, она постоянно пыталась встретиться с Цзиньюанем, и даже отказы из дворца Цяньмин её не останавливали.

Если исходить из этого, её целью должен быть император.

«Не в романтическом смысле... а в смысле...»

— Неужели Вдовствующая императрица хочет убить Цзиньюаня? — прошептал Цзинчжэ.

Как слабая женщина может убить императора в строго охраняемом дворце Цяньмин?

Открытое нападение невозможно. Значит... Цзинчжэ вспомнил слова Жун Цзю о яде.

В детстве он слышал от отца истории о великих воинах, павших от отравленного клинка. Если так...

Тогда не только слабая женщина, но и ребёнок сможет это сделать.

Цзинчжэ потёр лоб, пытаясь упорядочить мысли.

Во-первых, Хуан Ицзе из семьи Хуан. По воле Вдовствующей императрицы она стала Гуйфэй. Система дала задание помешать её появлению во дворце, значит, это было невыгодно принцу Жюю.

Во-вторых, когда Цзинчжэ, этот ошибочный носитель, не смог ничего сделать, Хуан Ицзе всё же стала Гуйфэй. Тогда система дала второе задание — помешать ей достичь своей цели. Это подтверждает, что она прибыла во дворец с определённой миссией, и Вдовствующая императрица не отказалась от своих планов.

За несколько месяцев во дворце Хуан Ицзе часто посещала дворец Цяньмин. Не так часто, как другие наложницы, но и не редко.

Если добавить к этому предыдущие догадки, возможно, она собирается отравить...

Нет!

Цзинчжэ внезапно понял. Если бы нужно было просто отравить кого-то, зачем Вдовствующей императрице понадобилось приводить во дворец именно Хуан Ицзе? Она — искусный отравитель? Или... есть какой-то более изощрённый способ, чем яд?

В любом случае, её целью должен быть Цзинъюань.

Чтобы выполнить задание, нужно действовать исходя из этого.

При этой мысли лицо Цзинчжэ скривилось.

Это же дворец Цяньмин!

Единственная его связь с этим местом — Жун Цзю.

...Жун Цзю.

Цзинчжэ замолчал.

С новогодней ночи он ни разу не ходил на их встречи, которые проходили каждый пятый день.

Раньше, в эти дни, он, хоть и не ждал специально, но всегда бродил где-нибудь поблизости.

И Жун Цзю всегда каким-то чудесным образом появлялся из ниоткуда, незамеченный... Цзинчжэ всегда было интересно, как ему это удаётся.

Теперь же, в назначенный день, он не покидал Управление, проведя полдня рядом с Цзян Цзиньмином. Это был вежливый способ избежать встречи.

После новогодней ночи он передал записку через Чжэн Хуна.

— Я не знаю, как с ним связаться, — растерянно сказал тот. — Каждый раз у меня в комнате просто появляется большой свёрток, и я понимаю, что это для тебя.

— Тогда спроси у того, кто тебя с ним познакомил, — нахмурился Цзинчжэ.

Чжэн Хун, хоть и ворчал, но как-то умудрился передать сообщение.

Из-за того, что весть проходила через нескольких посредников, Цзинчжэ не мог выразиться прямо. Он лишь сказал, что ему нужно время, чтобы всё обдумать.

И ему действительно нужно было время.

После новогодней ночи Цзинчжэ понял, что его прежние суждения о Жун Цзю были слишком поверхностны.

Минъюй был прав: он не знал ни его семьи, ни его прошлого, ни того, что ему пришлось пережить. А значит, не знал и его истинной природы.

Раньше ему было всё равно, потому что он думал, что достаточно хорошо знает Жун Цзю. Но теперь он понял, что этого недостаточно.

В тот день, вернувшись в свою комнату, Цзинчжэ услышал, как Хуэйпин с кем-то разговаривает. Войдя, он увидел сидевшего спиной к нему Минъюя.

— Твой друг пришёл, — улыбнулся Хуэйпин, сидевший лицом к двери. — Я сказал, что ты скоро вернёшься, и оставил его подождать.

Минъюй встал и тоже улыбнулся.

В комнате витал сладкий аромат. Цзинчжэ заглянул и увидел, что Минъюй принёс угощение.

— Ты же только недавно на Императорской кухне, уже можешь выносить еду?

— Управляющий Чжу — хороший человек. То, что мы готовим для практики, он разрешает съедать самим.

— Неудивительно, что ты ещё на два размера растолстел, — пробормотал Цзинчжэ.

Минъюй замахнулся на него ногой.

Видя, что Цзинчжэ наконец-то расслабился, Хуэйпин улыбнулся.

— Вы сидите, а я пока отлучусь по делам.

Он оставил их вдвоём.

Минъюй усадил Цзинчжэ и пододвинул к нему угощение.

— Попробуй, как я готовлю.

— Ты туда яду не подсыпал? — пробормотал Цзинчжэ. Пахло вкусно, но выглядело не очень.

— Если бы я мог достать яд, я бы в первую очередь отравил твой язык, — огрызнулся Миньюй, отвесив ему щелбан.

Цзинчжэ потёр лоб, откусил кусочек, и его глаза удивлённо расширились.

— А ведь вкусно.

— Управляющий Чжу говорит, что у меня есть талант, — гордо заявил Миньюй.

— Так ласково его называешь, он что, лично тебя учит?

— Ну, не то чтобы лично, но иногда, видя меня, зовёт помочь. Мы, новички, не можем сразу готовить, начинаем с колки дров и резки овощей. Но из-за того, что управляющий Чжу меня выделяет, старички ко мне хорошо относятся. — Он посмотрел на Цзинчжэ. — У тебя с управляющим Чжу есть какая-то связь?

— С чего ты взял? — спросил Цзинчжэ, уплетая пирожное.

— В тот день, когда ты приходил ко мне, нас увидел управляющий Чжу. Он специально подозвал меня и спросил, кто мы друг другу, — нахмурился Миньюй. — И именно после этого он стал ко мне так хорошо относиться.

— У меня с ним нет никаких дел. Но... ты помнишь дедушку Аня?

— Тот, что был при нашем поступлении во дворец? — быстро сообразил Миньюй.

— Да. Управляющий Чжу, должно быть, был с ним в хороших отношениях.

Миньюй всё понял. События тех лет были для него далёким воспоминанием, но Чэнь Аня он помнил.

Он знал, что Цзинчжэ и Чэнь Ань были в неплохих отношениях. Каждый год он навещал его. Хоть это и казалось мелочью, но для Цзинчжэ, который раньше безвылазно сидел в Северных покоях, это было большим шагом.

Дождавшись, пока Цзинчжэ доест, Миньюй спросил:

— Вкусно?

— Вкусно.

— Сладко?

— Сладко.

Цзинчжэ кивнул. Хотя во дворце он не голодал, но сахар был редкостью. Для слуг это была дорогая приправа.

— Тогда, может, расскажешь, почему ты в последнее время такой подавленный? — медленно спросил Миньюй.

— Я так и знал, когда увидел, как вы с Хуэйпином мило беседуете, — Цзинчжэ отодвинул пустую тарелку.

Хоть они с Миньюем и были друзьями, и его визит был обычным делом, но тот только недавно попал на Императорскую кухню и должен был осваиваться, а не бегать к нему без причины.

— У тебя в Управлении появились хорошие друзья, — улыбнулся Миньюй.

Цзинчжэ опустил глаза. Друзья... Раньше, в Северных покоях, у него был только Миньюй. По сравнению с тем одиночеством, сейчас его окружало гораздо больше людей.

— На самом деле, я давно хотел сказать: ты очень хорошо умеешь заводить друзей, — сказал Миньюй.

Цзинчжэ удивлённо посмотрел на него.

— Ты знаешь, что Цитуй и Баци всегда к тебе хорошо относились? И Ую тоже.

Единственным, кто его недолюбливал, был Чаншоу.

— Но... Цитуй же меня терпеть не мог?

Он помнил, как тот иногда язвил в его адрес.

— Он недолюбливал тебя по той же причине, что и Хэ Е. Та, первая, — хмыкнул Миньюй.

Цзинчжэ смотрел на него с полным недоумением.

Миньюй не удержался и взъерошил его волосы. С этими влажными чёрными глазами, полными растерянности, он был похож на заблудившегося щенка.

— Потому что тогда тебе не нужны были друзья, — сказал Миньюй. — От тебя всегда веяло... отчуждённостью, даже в толпе. Если бы мы не поступили во дворец вместе и случайно не столкнулись, ты бы, наверное, никогда мне не открылся.

Цзинчжэ неловко потёр нос и опустил взгляд.

Он не помнил, чтобы был таким... хотя... может, немного и избегал людей, но не до такой же степени.

— Ещё как! — отрезал Миньюй. — Когда мы только пришли в Северные покои, они пытались с тобой подружиться, а ты всегда вежливо отказывался. Рано или поздно кому угодно надоест навязываться!

— Но Ую и Саньшунь так не считали, — возразил Цзинчжэ.

— Потому что Ую — простак, а Саньшунь — дурачок! Им на это наплевать. Ты со всеми был вежлив, ни во что не вмешивался, но иногда казался очень холодным.

По крайней мере, тогда он был таким со всеми, кроме Миньюя.

Цзинчжэ понуро сидел, а потом тихо спросил:

— А сейчас?

— Сейчас? — Миньюй потёр гладкий подбородок. — Сейчас твою раковину словно вскрыли насильно. Как бы ты ни прятался, створки открыты, все кому не лень заглядывают, тычут пальцем. Как тут останешься холодным?

От этих слов Цзинчжэ вспыхнул и бросился затыкать ему рот.

— Что ты несёшь!

Грязные намёки!

— У кого что болит, тот о том и говорит. Я ничего такого не думал. — Миньюй оттолкнул его руку. — Ладно, можешь не говорить, я и так знаю. Это всё из-за Жун Цзю.

Цзинчжэ испуганно посмотрел на закрытую дверь, потом на Миньюя.

— Да что с тобой такое? — прошипел он.

Этот человек был странным!

Может, у него есть какие-то особые способности, как у системы?

Иначе как он каждый раз всё угадывает!

— Что значит «что со мной»? Думаешь, я тебя не вижу насквозь? — фыркнул Миньюй.

Он видел, как изменился Цзинчжэ.

Если кто и мог так повлиять на его настроение, то, кроме семьи и друзей, это был только Жун Цзю.

Цзинчжэ понуро опустил голову.

Другие могли бы пытаться его часами и ничего не добиться, но перед Миньюем он не мог долго держать всё в себе и в конце концов всё выложил.

Он рассказал не всё — умолчал об отравлении Жун Цзю и об их... слишком близких контактах. Упомянул лишь, что тот был под действием лекарства, и о его словах.

Но и этого хватило, чтобы Миньюй вскочил и бросился к двери.

— Ты куда?! — испуганно вцепился в него Цзинчжэ.

— Во дворец Цяньмин, — спокойно ответил Миньюй.

— Успокойся, успокойся! Ты сейчас его там всё равно не найдёшь.

— Я буду кричать под стенами, что Жун Цзю — сумасшедший. Он точно выйдет, — с ледяной улыбкой сказал Миньюй.

Цзинчжэ промолчал.

Скорее всего, его просто схватят и казнят.

За неподобающее поведение перед дворцом его бы скрутила стража раньше, чем появился бы Жун Цзю.

— Успокойся, прошу тебя, — Цзинчжэ вцепился в его руку. — Я же не злюсь...

— А почему ты не злишься?! — вскипел Миньюй, отталкивая его и тыча пальцем в грудь. — Ты должен злиться! Ты имеешь на это полное право!

Цзинчжэ замер. Через мгновение он тихо сказал:

— Сначала мне было очень страшно. Мне казалось... он хочет меня убить. — Это удушающее чувство было ужасным, словно волны накрывали его с головой.

Он опустил голову и принялся нервно ковырять пальцы. Обмороженные участки кожи зажили. Лекарство, которое присылал Жун Цзю, было очень эффективным.

— ...Но было такое чувство, будто... он из последних сил цепляется за спасительную доску, — сжав губы, добавил он.

Он не знал, как описать то мгновение. Может, это была галлюцинация от удушья?

Жун Цзю так крепко держал его, словно он был спасительным лекарством.

— Ты что, возомнил себя спасителем? — слова Миньюя были резкими, но били в самую точку. — Цзинчжэ, вспомни, кто мы, а кто он. Если он просто играет с тобой, ты погибнешь.

Миньюй боялся, что у Жун Цзю могут быть какие-то извращённые наклонности.

Он слышал о таком ещё до поступления во дворец.

Когда-то работорговец купил его за несколько серебряных монет, чтобы продать в богатую семью Ли. Но девочка-служанка, работавшая на кухне, шепнула ему, что эта семья уже купила у работорговца четверых или пятерых детей, и все они умерли.

Миньюй несколько раз плакал втихомолку, а потом стал изо всех сил стараться, и в итоге ему представился шанс попасть во дворец.

Пусть даже евнухом, но зато живым.

Из-за этого детского опыта Миньюй был особенно чувствителен к таким вещам, и слова Цзинчжэ его взбесили.

— Если ты об этом беспокоишься, то... не стоит, — усмехнулся Цзинчжэ. — Мы не делали этого.

Миньюй удивлённо посмотрел на него. Из рассказа Цзинчжэ он заключил, что Жун Цзю его изнасиловал.

— Не смотри так, правда не было, — сгорая от стыда, пробормотал Цзинчжэ.

Гнев Миньюя немного поутих, но лишь немного. Это ничуть не оправдывало поведение Жун Цзю.

— Он что... не может? — само собой вырвалось у Миньюя, хотя он собирался обругать Жун Цзю.

Нельзя его винить!

Они, такие как он, давно лишились этой способности. Как тут не поинтересоваться?

Лицо Цзинчжэ то краснело, то бледнело, то зеленело. Наконец он с ненавистью выпалил:

— Я думаю, у него болезнь!

Болезнь, из-за которой он не может кончить!

Эта штука была горячей, как раскалённая кочерга, но никак не хотела плакать.

А ведь именно Цзинчжэ был тем, кого мучили до слёз!

Он никогда не думал, что слёзы могут стать такой роскошью.

Потому что кто-то жадно слизывал их с уголков его глаз, словно боясь упустить хоть каплю.

Миньюй, очевидно, понял его не так.

— Раз не может, чего тогда лезет? Больной какой-то... — пробормотал он.

— ... — Цзинчжэ не нашёлся, что ответить.

Та болезнь, а не эта!

Но, видя, что Миньюй немного успокоился, Цзинчжэ решил промолчать. Если тот в порыве гнева действительно побежит ко дворцу Цяньмин, Цзинчжэ будет жалеть о своей болтливости до конца дней.

...Пусть думает, что Жун Цзю не может.

Всё равно тот не узнает.

Цзинчжэ моргнул, чувствуя укол совести.

— И что ты собираешься делать? — искоса посмотрел на него Миньюй. — Судя по твоему виду, ты не собираешься с ним рвать.

Цзинчжэ потёр лицо, поражаясь проницательности друга.

— Да как ты это делаешь?

— Если бы ты хотел порвать, стал бы так мучиться? — если уж Цзинчжэ что-то решал, то действовал решительно, без колебаний. А раз он сомневался, значит, всё ещё надеялся.

Миньюй вздохнул.

— На самом деле... сегодня меня позвал Хуэйпин. Так я и узнал о твоих делах. — Он увидел, как Цзинчжэ смущённо опустил голову. — Раньше бы никто ничего не заметил. Цзинчжэ, это Жун Цзю сделал тебя таким.

Цзинчжэ хотел возразить, что дело не в Жун Цзю, а в системе, заданиях и постоянной опасности. Но, во-первых, он не мог об этом рассказать, а во-вторых...

Разве Жун Цзю был совсем ни при чём?

— Раньше ты был всегда спокоен, ничего не желал, даже страстей у тебя почти не было. Тебя заставляли делать тяжёлую работу — ты делал. Даже если это было несправедливо, тебе было всё равно. Ты словно просто... существовал. Лишь бы выжить, а остальное неважно, — продолжал Миньюй. — Но теперь всё не так. У тебя есть Хуэйпин, другие друзья. О тебе заботятся, а ты заботишься о них, хлопочешь ради них, больше не прячешься в своей раковине... Цзинчжэ, теперь я чувствую, что ты по-настоящему живёшь.

Цзинчжэ понимал, что Миньюй говорит о двух разных «жизнях».

Существовать как ходячий мертвец или жить по-настоящему — это действительно...

Совсем разное.

Он закрыл лицо руками, сильно потёр его и тихо сказал:

— Иногда мне кажется, что я сам ужасен. — В его голосе слышались горечь и растерянность.
— Минъюй, он ведь поступил жестоко, и его поведение... очень опасно. Но почему я всё ещё...

Колеблюсь.

От этого Цзинчжэ казалось, что он и сам сходит с ума.

***

Во дворце Цяньмин витал лёгкий аромат.

Сначала это благовоние курили только в боковых покоях.

Но с какого-то момента оно незаметно появилось и в главном зале, а теперь им был пропитан весь дворец.

Нин Хунжу чувствовал, что Цзинъюаню оно не нравится.

Но тот ничего не говорил.

Для императора это было своего рода молчаливым согласием.

Нин Хунжу хотелось плакать от радости.

Этот аромат, созданный по рецепту Цзун Юаньсиня, не только отпугивал насекомых-гу, но и успокаивал дух, что было как нельзя кстати для Цзинъюаня.

Навстречу ему быстрыми шагами шла Ши Лицзюнь.

Эта придворная дама управляла всеми делами Управления дворцовых служанок и поэтому часто бывала у Вдовствующей императрицы. Но их взгляды расходились, и Вдовствующая императрица ей не доверяла, решая многие вопросы в обход Управления. Ши Лицзюнь, в свою очередь, старалась держаться в стороне.

Нин Хунжу замедлил шаг. Поравнявшись с ним, Ши Лицзюнь бросила:

— Мао Цзыши вернулся.

Мао Цзыши...

Нин Хунжу знал, с каким поручением Цзинъюань его отправил. Раз вернулся, значит, всё выяснил.

Он лично заварил свежий чай, принёс любимое в последнее время императором персиковое печенье и на цыпочках вошёл внутрь.

В северном кабинете перед императором на коленях стоял человек.

На вид ему было чуть больше двадцати, но длинная борода придавала ему более зрелый и строгий вид.

— ...Хуан Цинтянь в последние годы... любит посещать... именно...

— ...семья госпожи Сюй...

— ...принц Жуй и семья Хуан часто обмениваются письмами...

— ...Вдовствующая императрица созвала женщин семьи Хуан...

Сплошные тайны семьи Хуан.

Нин Хунжу бесшумно поставил поднос и заметил, что чаша с лекарством, которую он приносил ранее, пуста.

Цзинъюань слушал вполуха, опустив веки, словно дремал.

Когда Мао Цзыши закончил, в кабинете воцарилась тишина.

Спустя долгое время Цзинъюань открыл глаза.

— Встань.

Мао Цзыши проворно поднялся, долгое стояние на коленях ничуть его не утомило.

— Ваше Величество, следует ли предпринять дальнейшие шаги в отношении семьи Хуан...

Не успел он договорить, как осёкся и уставился на лицо императора.

— Ваше Величество, ваше лицо...

Ему показалось?

Почему ему кажется, что у правого глаза Цзинъюаня виднеется слабый след... от удара?

Как можно ударить в глаз!

— Кто этот храбрец? Я хочу его видеть.

Кто осмелился сделать то, что он хотел, но не мог?

Да и не смог бы.

Цзинъюань был отличным бойцом, и ударить его было не так-то просто.

Император не удостоил его ответом. Нин Хунжу бросил на него странный взгляд.

— А, понял, — смекнул Мао Цзыши. — Его уже нет в живых? Ничего, я могу и на могилку сходить.

— ... — Нин Хунжу мысленно взмолился: «Замолчи, пожалуйста!»

— Тебе нечем заняться? — медленно обратил на него взгляд Цзинъюань.

Мао Цзыши почувствовал опасность и тут же принял серьёзный вид.

— Ваше Величество, я вспомнил, что у меня есть неотложные дела. Прошу прощения, я откланяюсь. — С этими словами он поклонился и, выйдя за дверь, бросился бежать, словно за ним гналось чудовище.

Мао Цзыши был способным человеком, но слишком легкомысленным.

После его ухода во дворце стало тихо.

Нин Хунжу, стоя рядом с Цзинъюанем, видел, что на столе, помимо донесений о семье Хуан, лежит досье на Чэнь Аня.

Не о его жизни во дворце, а о его передвижениях за его пределами.

Что Чэнь Ань делал во дворце, с кем общался, как из Управления по надзору за дворцовыми залами попал в Императорскую аптеку, а оттуда был разжалован и стал наставником для новых евнухов — всё это было давно известно.

Включая его связь с цайжэнь Яо.

Но то, что они столько лет умудрялись скрываться от ушей Вдовствующей императрицы, говорило об их незаурядных способностях. Хоть их связь и была установлена, как именно они общались, до сих пор оставалось загадкой.

А его передвижения за пределами дворца было ещё сложнее отследить. При жизни он не был известным евнухом, и хоть его выходы и регистрировались, что он делал и с кем встречался, выяснить было нелегко.

Мао Цзыши потратил несколько месяцев, чтобы найти хоть какие-то зацепки.

Среди них была и связь Чэнь Аня с Цэнь Сюаньинем за пределами дворца.

Это косвенно объясняло, почему Чэнь Ань так опекал Цзинчжэ.

Но не это было главным для Цзиньюаня.

Он перебирал бумаги и наконец нашёл то, что искал.

Это были показания придворного даоэрцзяна — мастера по кастрации.

Он рассказывал о своём отце.

Это ремесло передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну, поэтому он и помнил некоторые детали.

Чэнь Ань был оскоплен его отцом. А лет десять назад он снова встретился с ним.

Вскоре после этой встречи его отец провёл свою последнюю операцию и вскоре умер.

К показаниям был приложен список тех, кто прошёл через эту операцию.

Цзиньюань пробежал глазами по именам, пока не увидел имя Цзинчжэ.

И тогда он улыбнулся.

Это была жуткая, леденящая душу улыбка.

Он улыбался, но от этой улыбки по спине бежали мурашки.

Даже Нин Хунжу содрогнулся.

Он видел, как Цзинъюань усмехался, скалился, издевался, но редко видел, чтобы он улыбался так...

Страшно. Он выглядел очень довольным, даже счастливым.

Но всё равно было страшно.

«Ваше Величество, может, не надо улыбаться?»

Правда, очень страшно.

Цзинъюань с явным удовольствием бросил бумагу в чашу для промывки кистей. Результат многомесячных трудов Мао Цзыши растворился в воде.

Чернила расплылись, и бумага, окрасив воду в чёрный цвет, медленно оседала на дно.

Он давно догадывался.

О том, почему Цзинчжэ столько лет прятался в Северных покоях, о тайне, которую он так тщательно скрывал.

Но когда правда открылась, Цзинъюань не мог скрыть своего восторга.

Ха, как хорошо.

Он сможет заполучить его, целиком и полностью.

Не зря Мао Цзыши так старался. Если бы была хоть малейшая вероятность, что Цзинъюань ошибся... то сейчас Мао Цзыши принёс бы не только эти сведения, но и ту драгоценную часть тела.

Цзинъюань ни за что не позволил бы, чтобы хоть какая-то часть Цзинчжэ осталась где-то в другом месте.

Узнай Цзинчжэ о его мыслях, он бы назвал его сумасшедшим.

Ну и что с того?

Лекарство Цзун Юаньсиня действительно помогло.

Оно вскрыло давно замёрзший лёд, понемногу раскалывая толстую корку.

Но это не всегда было хорошо.

По крайней мере, сейчас.

Из расколотого айсберга могли вырваться не только светлые чувства, но и первобытный зверь. Неприкрытая страсть, вырвавшаяся на свободу, могла яростно наброситься на объект своего желания.

Любовь императора сама по себе — преступление.

Любовь Хэлянь Жуна... тем более.

То, что Цзинчжэ в последнее время его избегал, было даже на руку.

Ему нужно было время, чтобы усмирить эти бушующие чувства, удержать их на грани.

Чтобы не спугнуть этого милого, несчастного щенка, но и не...

Позволить ему и дальше себя игнорировать.

Снаружи слышались торопливые шаги. В зале появилась придворная дама Ши Лицзюнь.

— Ваше Величество, из дворца Шоукан сообщили, что... Фэй Чжан беременна, — сбивчиво доложила она.

Цзинъюань не успел отреагировать, как Нин Хунжу вскинул голову.

Фэй Чжан? Беременна?

Слова как слова, но в отношении Цзинъюаня они звучали абсурдно!

Он осторожно посмотрел на императора. Тот бесстрастно смотрел на Ши Лицзюнь.

Под его тяжёлым взглядом она опустила голову, на лбу выступил пот.

— ...Вот как? — лениво протянул император. — Что ж, пойдём посмотрим.

В его голосе слышалось даже какое-то ледяное веселье.

Но оно разительно отличалось от того, что было мгновение назад — настоящего, от которого хотелось улыбнуться.

Нин Хунжу медленно, очень медленно перевёл взгляд на императора.

Кожа Хэлянь Жуна была очень бледной.

Мертвенно-бледной, что делало его прекрасное лицо ещё более холодным.

Когда его губы изогнулись в холодной усмешке, смерть последовала за ним по пятам.

Он вскроет ей живот и посмотрит.

Как выглядит его отродье

<http://bllate.org/book/16993/1587511>